

П.Н. Полевой

**История русской литературы в очерках и
биографиях**

Часть 1

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Н. Полевой**
История русской литературы в очерках и биографиях: Часть 1 / П.Н. Полевой – М.: Книга по Требованию, 2024. – 296 с.

ISBN 978-5-458-00960-7

Древний период.5-е издание.

ISBN 978-5-458-00960-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

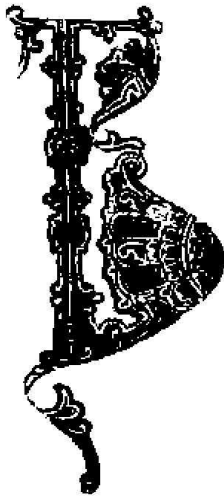
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Братья-первоучители. — Болгарское влияние. — Кириллица и глаголица. — Письменный материал и писцы. — Древнѣйшія памятники русской письменности.

Въ концѣ X-го вѣка, на Руси, при содѣйствіи великаго князя кievскаго, Владимира, — внослѣдствіи прозваннаго Равноапостольнымъ, — введено было христіанство, и вся Русь была крещена, прибывшимъ въ Россію изъ Византіи, греческимъ духовенствомъ. Вмѣстѣ съ духовенствомъ прибыли водчѣ для постройки первыхъ храмовъ христіанскихъ въ новоокрещенной землѣ, живописцы для написанія первыхъ иконъ, и другіе искусные мастера и художники, которымъ предстояло снабдить церкви наши необходимою утварью и благодѣльными украшениями. Образцы иконъ, облаченій и утвари церковной, по которымъ надлежало работать этимъ мастерамъ и художникамъ, принесены были духовенствомъ изъ Византіи; но драгоценнѣе всего, принесеннаго ими, были

книги Св. Писанія и церковныя, писанныя не на языкахъ, чуждыхъ русскому народу, а на языкѣ родственнаго ему славянскаго племени. Такимъ образомъ, древней Руси выпало на долю великое счастье: съ первыхъ-же дней по введеніи христіанства, предки наши услышали слово Божіе, услышали пѣніе и чтеніе въ церкви на языкѣ, вполне доступномъ ихъ пониманію. Вотъ почему, вмѣстѣ со введеніемъ у насъ на Руси христіанства, положены были и первыя прочныя основы нашей грамотности и письменности, которыя и у насъ, какъ во всѣхъ странахъ міра, были первыми шагами на пути просвѣщенія и развитія литературы. Но откуда же явились у греческихъ проповѣдниковъ эти книги Св. Писанія, переведенныя на славянскій языкъ, родственнѣйшему нашему русскому? Кому именно, и по какому поводу вздумалось потрудиться надъ этимъ благодѣтельнымъ для насъ переводомъ

книгъ Св. Писанія и книгъ церковныхъ? Что это былъ за языкъ, и которому изъ племенъ славянскихъ, нынѣ еще живущихъ, онъ принадлежалъ? Какіе памятники письменные сохранились намъ отъ той отдаленной эпохи? Вотъ вопросы, которые представляются намъ сами собою, и которые мы попытаемся разрѣшить прежде, нежели приступимъ къ описанію древнѣйшаго періода русской литературы.

Книги Св. Писанія были впервые переведены не для потребностей новоокрещеннаго русскаго народа, а для моравянъ—другого, небольшого племени славянскаго. Оно крещено было почти за двѣсти лѣтъ до введенія христіанства въ Россію, но крещено было германскими проповѣдниками, которые принесли съ собою и книги, писанныя на непонятномъ для моравянъ языкѣ латинскомъ. Почти пятьдесятъ лѣтъ слушали моравяне Св. Писаніе и богослуженіе на латинскомъ языкѣ, и христіанство не имѣло между ними никакого успѣха: нравы оставались, по прежнему, грубыми; грамотность не развивалась и язычество не ослабѣвало въ народѣ, который нѣмецкіе проповѣдники считали, однако-же, окрещеннымъ. Моравскіе князья, видя, что народъ не въ состояніи усвоить себѣ даже и самыхъ первыхъ истинъ христіанскаго ученія на языкѣ ему чуждомъ и непонятномъ,—обратились къ византійскому императору Михаилу съ просьбою прислать имъ такихъ проповѣдниковъ, которые-бы въ состояніи были истолковывать моравянамъ Св. Писаніе на языкѣ славянскомъ. Такое обращеніе ихъ къ Византіи было весьма естественно потому, что во владѣніяхъ византійскаго императора многія мѣстности заселены были славянами, а потому и можно было предполагать, что между духовенствомъ греческимъ должны будутъ найтись многіе люди, коротко знакомые съ языкомъ славянскихъ племенъ, обитавшихъ близко къ предѣламъ обширной имперіи византійской. Предположеніе это и оказалось совершенно вѣрнымъ: въ отвѣтъ на просьбу моравскаго князя Ростислава о присылкѣ проповѣдниковъ, знающихъ славянскій языкъ, императоръ Михаилъ отправилъ въ Моравію двухъ ученыхъ монаховъ, братьевъ Кирилла и Меѳодія, и

съ ними нѣсколькихъ другихъ духовныхъ лицъ. Это было въ 863 году.

Выборъ императора палъ на этихъ ученыхъ братьевъ потому, что ему лично были извѣстны ихъ подвиги на поприщѣ распространенія христіанства между различными племенами, и ихъ глубокое знаніе языка славянскаго. Кириллъ и Меѳодій были сыновья греческаго вельможи Льва, и происходили изъ Солуни, главнаго города Македонской провинціи, окруженнаго славянскими колоніями. Меѳодій, старшій братъ (род.?, ум. 885 г.), сначала служилъ въ военной службѣ, затѣмъ былъ правителемъ одной области, въ которой много было славянскихъ поселеній, потомъ постригся въ монахи, въ одномъ изъ монастырей на горѣ Олимпѣ. Младшій братъ, Кириллъ (прежде поступленія въ духовное званіе онъ назывался Константиномъ, род. 827 г., ум. 869), покровительствуемый однимъ изъ родственниковъ своихъ, получилъ блестящее образованіе при византійскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ, при чемъ ему пришлось быть, по философій, математическимъ наукамъ и словесности, ученикомъ знаменитаго Фотія (впоследствии патріарха). Но ни блескъ двора, ни тѣ почести, которыхъ могъ добиться молодой Константинъ, — ни что не прельщало его; онъ предпочелъ поступить въ духовное званіе и принялъ мѣсто библиотекаря при храмѣ Св. Софіи; но потомъ искалъ уединенія,—удалился даже въ монастырь, — и только по настоянію друзей возвратился въ столицу и принялъ должность учителя философій и званіе философа. Прозваніе философа тѣсно слилось съ его именемъ и на вѣки сохранилось за нимъ въ потомствѣ. На двадцать четвертомъ году отъ роду, Кириллъ съ жаромъ предался трудному дѣлу проповѣди христіанской. Сначала пришлось ему защищать христіанство противъ магометанства, быстро распространявшагося въ малоазійскихъ владѣніяхъ Византіи; а потомъ—въ Крыму, между хазарами,—боротся съ магометанствомъ и иудействомъ. При всѣхъ этихъ странствованіяхъ братъ Меѳодій былъ неразлученъ съ Кирилломъ и ревностно раздѣлялъ съ нимъ подвиги на пользу вѣры.

Должно предполагать, что ученые братья еще съ дѣтства были знакомы съ языкомъ славянъ, заселявшихъ, какъ мы уже сказа-

ли выше, многія мѣстности въ предѣлахъ византійской имперіи. Эти славяне, жившіе въ Византіи, и другія родственныя имъ славянскія племена, жившія ближе къ Дунаю, въ предѣлахъ Болгаріи,—давно уже нуждались въ томъ, чтобы и книги богослуженныя, и Св. Писаніе были переведены на ихъ языкъ, потому-что они точно такъ-же не понимали проповѣди христіанской на греческомъ языкѣ, какъ моравяне — на латинскомъ. Многіе изъ нихъ, вслѣдствіе этого, даже и по принятіи крещенія, вновь возвращались къ язычеству. Желая доставить имъ возможность услышать Слово Божіе на родномъ языкѣ, Кирилль, прежде всего, занялся изобрѣтеніемъ такой азбуки, которая-бы способна была передать вполнѣ все разнообразіе звуковъ славянской рѣчи. Преданіе гласитъ, что азбука изобрѣтена была Кирилломъ еще около 855 года. Образцомъ очертанія буквъ послужила ему азбука греческая; а такъ-какъ онъ зналъ много языковъ, то для такихъ славянскихъ звуковъ, которымъ нѣтъ соответствующихъ въ языкѣ греческомъ, онъ заимствовалъ очертанія буквъ изъ азбукъ еврейской, армянской и коптской. Для нѣкоторыхъ звуковъ, напр., для носовыхъ, изобрѣлъ даже и самостоятельныя очертанія. Всѣхъ буквъ въ этой азбукѣ было 38. Послѣ изобрѣтенія азбуки, Кирилль, при помощи брата Меѳодія, перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ необходимыя для богослуженія книги, и такимъ образомъ, еще ранѣе того времени, когда братья Кирилль и Меѳодій были призваны въ Моравію, ими уже сдѣланы были первые опыты переводовъ съ греческаго на славянскій языкъ при помощи изобрѣтенной Кирилломъ азбуки, и богослуженіе на славянскомъ языкѣ уже введено было въ употребленіе между славянами византійскими, а отсюда, вѣроятно, оно было перенесено и къ болгарскимъ славянамъ, которые крестились около 861 г. Преданіе гласитъ, что сначала принялъ крещеніе отъ св. Меѳодія болгарскій князь Борисъ, а потомъ и весь народъ.

Но главная дѣятельность братьевъ-проповѣдниковъ относится къ періоду послѣ 862 года, т. е. ко времени пребыванія ихъ въ Моравіи. Здѣсь, въ теченіи четырехъ съ по-

ловинною лѣтъ, трудились братья надъ переводомъ книгъ Св. Писанія, учили славянъ своей новой грамотѣ, боролись и противъ языческихъ суевѣрій, и противъ нѣмецкаго духовенства, которое очень непріязненно смотрѣло на быстрые успѣхи славянской проповѣди. „И рады были славяне“, говоритъ древній лѣтописецъ нашъ — „такъ-какъ они слышали величіе Божіе на своемъ языкѣ“ Нѣмецкое-же духовенство, опасаясь утратить всякое значеніе въ Моравіи по мѣрѣ распространенія славянскаго богослуженія, стало посылать жалобу за жалобой въ Римъ, къ папѣ Николаю I, доказывая, будто проповѣдывать Слово Божіе можно только на трехъ языкахъ — еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, „такъ какъ надпись на крестѣ Спасителя была начертана Пилатомъ только на этихъ трехъ языкахъ“. Около того времени, Церковь Западная находилась въ постоянно непріязненныхъ отношеніяхъ къ Церкви Восточной (вскорѣ послѣ того онѣ и окончательно раздѣлились), а потому папа Николай I охотно принялъ жалобы и клеветы нѣмецкаго духовенства на братьевъ-первоучителей и ихъ славянскую проповѣдь. Они были призваны въ ту страну, гдѣ, уже почти пятьдесятъ лѣтъ сряду, нѣмецкое духовенство тщетно старалось основать на проповѣди христіанской свое матеріальное могущество, и гдѣ имъ удалось сразу получить громадное значеніе: понятно, что папа сталъ опасаться ослабленія римскаго вліянія на Моравію, и потому потребовалъ ихъ къ себѣ на судъ. Кирилль и Меѳодій, надѣясь и тамъ отстоять свое правое дѣло и доказать необходимость богослуженія на славянскомъ языкѣ, отправились въ Римъ. Но они уже не застали папы Николая I въ живыхъ. Наслѣдовавшій ему—папа Адрианъ II принялъ ихъ ласково, дозволилъ продолжать проповѣдь и богослуженіе на языкѣ славянскомъ, и даже посвятилъ Меѳодія въ санъ епископа паннонскаго ¹⁾, послѣ чего Меѳодій возвратился въ Моравію; а братъ его, Кирилль, изнуренный тяжкими трудами послѣднихъ лѣтъ, остался въ одномъ изъ монастырей близъ Рима, вскорѣ заболѣлъ и умеръ, въ 869 году.

Меѳодій пережилъ брата на шестнадцать

¹⁾ Подъ именемъ Панноніи извѣстна была въ то время страна, занимавшая часть нынѣшней Моравіи и часть Венгріи.

ЪКРЪМАНО ИВНСАНОУ УЕНИКОМЪ СКОМЪ·КЪ СТАВЪОТЪМЪ РЪТЪХЪ·НГЛА

Изъ Остромирова Евангелія, писаннаго уставомъ, въ половинѣ XI вѣка.

лѣтъ, и въ теченіе всего времени своей жизни не переставалъ бороться съ нѣмецкимъ духовенствомъ, распространяя богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Несчислимъ всѣ тѣ гоненія и страданія (дѣлныхъ 2½ года онъ, между прочимъ, провелъ въ тюрьмѣ), которыя онъ претерпѣлъ за свое святое дѣло. Но св. Меодій не покидалъ столь успѣшно начатаго имъ дѣла проповѣди въ земляхъ славянскихъ, и неослабно распространялъ его все дальше и шире: около 871 года онъ крестилъ чешскаго князя Боривоя, и ввелъ въ Чехіи славянское богослуженіе, а ученики Меодія пробрались и далѣе — въ Силезію и Польшу. Однако-же, подъ конецъ жизни, Меодію пришлось быть свидѣтелемъ явнаго торжества враждебнаго ему нѣмецкаго духовенства: папа Іоаннъ VIII, преемникъ Адриана II, запретилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Не смотря на то, что Меодію удалось склонить папу къ отмене этого запрещенія, черезъ годъ послѣ смерти Меодія, въ 886 году, всѣ ученики братьевъ-первоучителей (Климентъ, Наумъ, Савва,

Ангеларъ и Гораздъ) и всѣ сторонники ихъ (въ томъ числѣ двѣсти священниковъ) были изгнаны изъ Моравіи и нашли себѣ убѣжище въ Болгаріи.

Здѣсь-то, въ особенности въ правленіе просвѣщеннаго царя Симеона, правившаго Болгаріей съ 892 года по 927, письменность славянская сдѣлала большіе успѣхи: на славянскій языкъ переведено было множество книгъ не только церковныхъ и духовнаго содержанія, но и научныхъ, и количество рукописей, написанныхъ кирилловской азбукой, возрасло до весьма значительной цифры. Здѣсь и грамота, и богослуженіе славянское нашли себѣ убѣжище отъ несправедливыхъ преслѣдованій и здѣсь-же сохранились онѣ на благо и великую пользу нашему русскому просвѣщенію, на славу безкорыстнымъ, святымъ трудамъ братьевъ-первоучителей, которыхъ благодарное потомство наименовало „апостолами славянскими“. Память о нихъ доселѣ живетъ и вѣчно будетъ жить во всемъ славянскомъ мірѣ.

Выше сказано было вами, что послѣ изво-

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

ПШЯЭУЧ·ХНГОШХМЭ
 ЯБЖЗХ ХБЖПЪЯШХ·Х
 ЯПШФЗУУУ ЖФЖУХА
 ПШУХ ХРЪЖХНЗХГ
 РННУУЭ ЯМШПЪМ
 РЯШМД·
 РХШЪЭ ХНГ
 ШФШФРХ
 ЗНФЪХЭ РХШХРХ
 ППХ·ХШФШФШГЭ Ш
 РННШЯХАГ УЖЭ·ЗУ
 УУУЖРШФФХ РХШХ·
 НУФ ЖНЗУУ·УРХПЪЭ

- (посла гдѣ ангела
- 1) (с)когого. изети ме
 - 2) ѿ родки Иродови и
 - 3) ѿ всакого члѣннѣ
 - 4) люди Иудѣискихъ.
 - 5) неого е ѿ Матѣѣ.
 - 6) вно врѣѣ
 - 7) приде Исъ
 - 8) в страни
 - 9) Несарие Филипо-
 - 10) ви. и вѣршаше оуч-
 - 11) нѣкъ своихъ глѣ. ко-
 - 12) го глѣть чѣн бити
 - 13) сѣа чскѣго. Они же
- реше. Ови Ивѣа крѣ-
стиѣла. ови П(и)ю.

Изъ второй половины Реймского Евангелія, писанной глаголицею (въ концѣ X и началѣ XI в.).

Чтеніе, буква въ букву, глаголическаго текста (сербо-хорватскаго).

брътенія азбуки славянской Кирилломъ, братья-первоучители тотчасъ перевели важнѣйшія богослужебныя книги на славянскій языкъ, и что богослуженіе на славянскомъ языкѣ распространилось сначала между славянами, обитавшими въ предѣлахъ византійской имперіи, а потомъ перешло къ славянамъ, жившимъ въ Болгаріи. Языкъ, на который Св. Писаніе было переведено братьями-первоучителями, былъ, вѣроятно, народнымъ языкомъ племенъ славянскихъ, жившихъ между Балканами и Дунаемъ. Если и

въ настоящее время между языками племенъ славянскихъ сохранилось еще такъ много сходства, что соплеменники наши, принадлежащіе къ различнымъ отраслямъ общей славянской семьи, могутъ понимать другъ друга, — то слѣдуетъ предположить, что за 1000 лѣтъ до нашего времени это сходство между языками племенъ славянскихъ было еще сильнѣе; а потому нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что переводъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, надъ которыми потрудились братья-первоучители, дол-

женъ былъ сдѣлаться драгоценнымъ достояніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ, и, въ то время, оказаться вполне доступнымъ пониманію каждаго на самыхъ противоположныхъ концахъ славянскаго міра: подъ Балканами и въ Моравіи, въ Болгаріи и на Руси. Но такъ-какъ грамота, изобрѣтенная Кирилломъ, болѣе всего привилась въ Болгаріи, такъ-какъ здѣсь-же, при царѣ Симеонѣ, болѣе всего было написано и переведено книгъ на языкъ славянскій, то языку, сохранившемуся въ древнихъ спискахъ Св. Писанія, съ теченіемъ времени стали придавать названіе языка древне-болгарскаго.

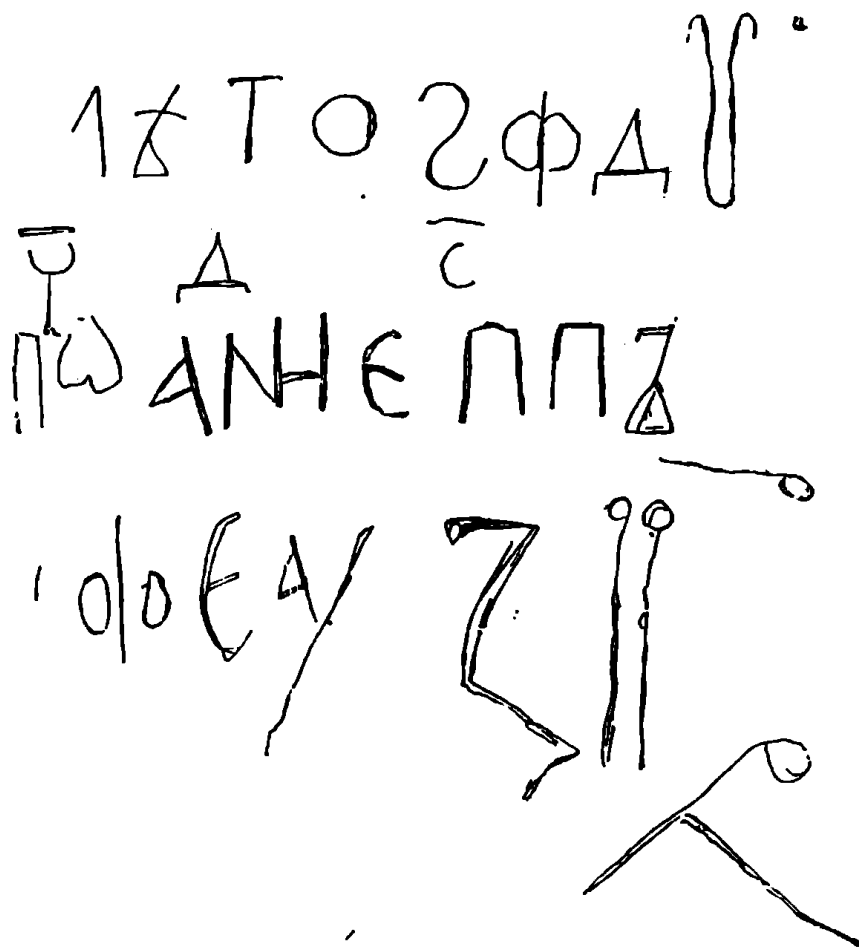
Относительно этого названія должно замѣтить, что подъ словомъ болгарскій языкъ здѣсь не слѣдуетъ разумѣть — языкъ болгаръ, а только — языкъ славянъ, жившихъ въ Болгаріи. Сами болгаре вовсе не принадлежали къ семьѣ славянскихъ племенъ: болгаре, по происхожденію, принадлежали къ урало-алтайской чуди, были воинственнымъ и храбрымъ народомъ, обитавшимъ въ степяхъ юго-восточной Россіи между Дономъ и Волгою. Въ VII столѣтіи племя это раздѣлилось: одна часть его двинулась на сѣверъ и осѣла по берегамъ Камы, впадающей въ Волгу; другая—двинулась на западъ и въ концѣ VII вѣка явилась на Дунаѣ. Здѣсь болгаре покорили себѣ значительную часть придунайскихъ славянскихъ племенъ. Но славяне были образованнѣе и искуснѣе болгаръ въ земледѣліи и ремеслахъ, и не болѣе, какъ въ теченіе двухъ вѣковъ успѣли такъ сильно воздѣйствовать на пришлую горсть воинственныхъ побѣдителей своихъ, что тѣ и нравы свои оставили, и языкъ позабыли, и совершенно слились съ славянами, передавъ имъ только свое имя.

Когда-же переводы Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ изъ Болгаріи и Греціи перенесены были къ намъ, на Русь, то языкъ, которымъ они были написаны, получилъ у насъ названіе „церковно-славянскаго“, потому-что значительно отличался отъ народнаго русскаго языка и явился исключительно языкомъ церкви. Впрочемъ, такъ-какъ въ древнѣйшемъ періодѣ нашей литературы большая часть писателей принадлежала къ сословію духовному, то изъ смѣси языка церковно-славянскаго съ древне-русскимъ

языкомъ, которымъ въ то время говорили наши предки, мало-по-малу образовался языкъ литературный или книжный, которымъ и стали налагать мысли письменно.

Упомянувъ о языкѣ, на которомъ сохранились до нашего времени древнѣйшіе памятники славянской письменности, пояснимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, почему именно въ разныхъ случаяхъ придаютъ ему разные названія, мы должны еще обратить вниманіе и на самыя письмена, которыхъ изобрѣтеніе приписывается св. Кириллу. Азбука, которою у насъ и до настоящаго времени печатаютъ церковныя книги, очень похожая на письмена нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ, въ славянскомъ мірѣ носитъ названіе „кириллицы“. Подобною-же кириллицею прежде писались книги у насъ на Русь, въ Болгаріи и всей восточной части славянскаго міра. Кириллицею эта азбука названа въ отличіе отъ другой азбуки славянской, которая, если и не была изобрѣтена ранѣе кириллицы, то, вѣроятно, вскорѣ послѣ нея, и съ теченіемъ времени, приобрѣла довольно важное значеніе въ югозападномъ углу славянскихъ земель. Азбука эта, гораздо болѣе кириллицы запутанная въ очертаніяхъ своихъ, получила издревле названіе глаголицы. Чтобы яснѣе опредѣлить разницу между обѣими азбуками по начертанію, приводимъ здѣсь два отрывка изъ древнихъ рукописей, писанныхъ „кириллицею“ и „глаголицею“.

Христіанствомъ просвѣтила насъ Греція: но введенію у насъ книжнаго ученія и началу письменности русскою — Греція могла способствовать только при посредствѣ сосѣднихъ намъ болгарскихъ славянъ, у которыхъ письменность была особенно сильно развита именно около того времени, когда принято было христіанство въ Россіи (т. е. въ концѣ IX и началѣ X вѣка). Отъ нихъ-то и перешло къ намъ въ Россію много книгъ, писанныхъ кириллицею, и съ того времени кириллица вошла у насъ въ употребленіе, а очертанія буквъ удержались въ русскомъ письмѣ до начала XVIII вѣка, т. е. въ теченіе девяти вѣковъ. Кириллицею до XVI вѣка писались наши книги; кириллицею-же стали и печатать ихъ въ XVI вѣкѣ. Только уже при Петрѣ Великомъ явилась та, несходная съ

Древнѣйшая надгробная надпись (996 г.), писанная кириллицею.

кириллицею, форма нашихъ печатныхъ буквъ, которою теперь печатаются у насъ книги и которая получила название гражданской азбуки (въ отличіе отъ кирилловской, удержавшейся въ нашихъ церковныхъ книгахъ).

Однако-же, въ теченіе девяти вѣковъ своего существованія въ Россіи, кириллица, въ очертаніи своихъ буквъ, много разъ потерпѣла значительныя измѣненія. Древнѣйшія рукописи, писанныя до XIV вѣка, отличаются замѣчательною красотою и отчетливостію своего крупнаго письма. Каждая буква въ этомъ письмѣ ставится отдѣльно, безъ всякой связи съ ближайшими буквами. Начальныя буквы и заглавія книгъ разрисовываются красною краскою, а иногда да-

же украшаются разноцвѣтными вычурными узорами; иногда имъ придаютъ форму цвѣтовъ, птицъ или звѣрей; иногда покрываютъ ихъ позолотой. Это древнѣйшее письмо нашихъ рукописей называется уставомъ или уставнымъ письмомъ.

Въ концѣ XIV вѣка является у насъ другое письмо, покруглѣе и помельче устава, хотя и довольно еще близкое къ нему по очертаніямъ буквъ—это полууставъ, которымъ писали преимущественно въ XV и XVI столѣтіяхъ. Наконецъ, съ XVII столѣтія, вслѣдствіе сильно-развившейся потребности въ дѣловой перепискѣ, начинаетъ преобладать скоропись (существовавшая и за долго до этого времени), отличающаяся неправильностію и некрасивою начертаніемъ буквъ,

тѣсно-сбитыхъ, снабженныхъ множествомъ значковъ и совершенноизлишнихъ фигурныхъ добавокъ къ буквамъ. Сверхъ того, надписи на вещахъ и на стѣнахъ зданій, гдѣ иногда пушно было много словъ умѣстить на небольшомъ пространствѣ, писались особымъ способомъ—вязью. Вязью называлось такое искусное сплетеніе и сопоставленіе буквъ, при которомъ немногими очертаніями можно было многое написать (соединяя нѣсколько буквъ въ одну общую фигуру) и, сверхъ того, составить изъ буквъ очень причудливый и красивый узоръ.

Говоря о древнерусскомъ письмѣ, нельзя упустить изъ виду и того, что наши предки, въ началѣ письменности нашей, писали не такъ, какъ мы теперь пишемъ. Имъ были вообще неизвѣстны тѣ облегченные способы, которые находятся теперь въ распоряженіи каждаго грамотнаго человѣка. Писали они, вмѣсто перьевъ, тростями (калами), которые привозились изъ Греціи; вмѣсто бумаги нымѣшней, изготовляемой изъ тряпокъ, употребляли пергамень, особый письменный матерьялъ, выдѣлывавшійся изъ свиной или телячьей кожи и тоже привозившійся съ далекаго Востока. Немного позже, вмѣсто пергамента, стали употреблять бомбицину бумагу изъ хлопка, правда, толстую и плотную, но далеко не въ такой степени удобную для письма и не настолько дешевую, какъ самая лучшая, самая дорогая нымѣшняя бумага.

Трудность самаго писанія и дороговизна письменнаго матерьяла способствовали, съ одной стороны, тому, что каждая писанная книга цѣнилась очень высоко и очень немногимъ была доступна; а съ другой стороны, на трудную работу писанія, изготовленія рукописей, смотрѣли, какъ на дѣло важное, требующее и большихъ свѣдѣній, и даже особой помощи свыше. Къ писанію книгъ приступали съ благоговѣніемъ и молитвою; написанную книгу заканчивали благодареніемъ Всевышнему, обращеніемъ къ читателю съ просьбою о снисхожденіи, и часто даже подробнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца, дня, въ который дѣло написанія было окончено. Къ этому обозначенію времени нѣкоторые писцы прибавляли даже замѣтку о томъ историческомъ событіи, со временемъ котораго совпадали начало или конецъ труда. Иные даже подробно обозначали, сколько именно

времени была писана та или другая книга, такъ-какъ списыванье книгъ было дѣломъ весьма медленнымъ и труднымъ. Любопытнымъ и замѣчательнымъ образцомъ подобныхъ приписокъ къ древнимъ рукописямъ можетъ служить извѣстная памятная записка дьякона Григорія, помѣщенная въ концѣ знаменитой рукописи Евангелія, писаннаго имъ для новгородскаго посадника Остромира:

„Слава тебѣ, Господи, цесарю небесный, такъ какъ ты сподобилъ меня написать это евангеліе. Почалъ я его писать въ лѣто 6564-ое, а окончилъ его въ лѣто 6565. Написалъ-же евангеліе это рабу Божию, нареченному во крещеніи Іосифъ, а мірски Остромиръ, родственнику Изяслава-князя... который тогда держалъ обѣ власти—и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира; самъ-же Изяславъ-князь правилъ столъ отца своего Ярослава, въ Кіевѣ, а столъ брата своего поручилъ править своему родственнику, Остромиру, въ Новѣгородѣ. Я, Григорій дьяконъ, написалъ это Евангеліе... началъ же его писать мѣсяца октября 20-го... а окончилъ мѣсяца мая въ 12-ое число.“

Въ концѣ одного изъ списковъ нашей древней лѣтописи находимъ другого рода приписку, живо рисующую намъ то настроеніе, въ которомъ долженъ былъ находиться писатель по окончаніи своего, вѣроятно, продолжительнаго и усидчиваго труда: „какъ радуется женихъ, при видѣ невѣсты своей“, — восклицаетъ писатель — „такъ радуется писецъ, видя послѣдній листъ; какъ радуется купецъ полученію барыша или кормчій—прибытію въ пристань, или странникъ—возвращенію въ отечество, такъ точно радуется и писатель книги окончанію своего труда“.

Въ другихъ древнихъ рукописяхъ встрѣчаются приписки переписчиковъ, въ которыхъ они выражаютъ надежду на спасеніе за свой трудъ (такъ-какъ дѣло списыванья книгъ считалось дѣломъ богоугоднымъ), или просятъ читателя вспоминать ихъ въ молитвахъ. Съ тою-же цѣлью, люди мало грамотные нанмали другихъ, чтобы списать ту или другую книгу, и отдавали ее въ даръ церкви или монастырю, какъ выкупъ за свое спасеніе или на поминъ души родителей.

На основаніи этого взгляда всякій писецъ (а тѣмъ болѣе скорописецъ, т. е., обладавшій способностью писать скоро, особен-

но искусный въ писаніи) долженъ былъ пользоваться большимъ уваженіемъ, и переписываніе книгъ считалось занятіемъ до такой степени почтеннымъ, что первѣйшія духовныя лица, а изъ свѣтскихъ—князья и княгини, посвящали досуги свои этому занятію. Даже и самое переплетаніе рукописныхъ книгъ имѣло значеніе занятія важнаго и почтеннаго, такъ-какъ только переплести рукописи могъ только человекъ грамотный, знакомый съ содержаніемъ переплетаемаго имъ сочиненія ¹⁾. При этихъ условіяхъ книги, конечно, и цѣнились весьма дорого; и напр., мы знаемъ, что кн. Владиміръ Васильковичъ Волинскій за одинъ молитвенникъ заплатилъ восемь гривенъ кунъ (болѣе 11 р. с. на наши деньги). Неудивительно, что при такой дороговизнѣ книгъ, на нихъ смотрѣли, какъ на существеннѣйшую часть достоянія, хранили ихъ въ крѣпкихъ кладовыхъ вмѣстѣ съ кунами, павлоками и драгоценными сосудами, и передавали изъ рода въ родъ, какъ наиболее цѣнную часть наслѣдства; неудивительно и то, что книголюбцы не жалѣли денегъ на переплеты книгъ, и не только старались дать книгамъ переплеты прочныя, вѣковые, но даже снабжали эти переплеты дорогими застежками, и часто покрывали серебряной, вызолоченной оправой, усаженной жемчугомъ и дорогими камнями, украшенной золотыми крестами и финифтяными изображеніями святыхъ. Такъ напр., подъ 1288 г., въ Волинской лѣтописи подробно исчисляются книги, которыми Владиміръ Васильковичъ снабдилъ различныя церкви на Волыни. При этомъ подробно описываются драгоценныя переплеты, которыми эти книги были украшены, и о многихъ изъ числа ихъ говорится, что онѣ писаны были самимъ княземъ и княгинею (женою его) Ольгою Романовною. Навное уваженіе къ книгѣ, выражавшееся, съ одной стороны, въ этомъ стремленіи къ украшенію ея внѣшности,—съ другой стороны выразилось въ извѣстномъ памятникѣ XII вѣка, однимъ изъ вопросовъ черноризца Кирика къ св. Нифонту, епископу новгородскому. Испрашивая у епископа разрѣшенія многихъ, весьма важ-

ныхъ вопросовъ вѣры и церковной обрядности, черноризецъ задаетъ ему и такой вопросъ: „Нѣтъ-ли грѣха—ходить по грамотѣ, которая изрѣзана и брошена, но на которой еще видны слова?“...

Уже въ XI вѣкѣ любовь къ чтенію развилась въ русскомъ обществѣ весьма значительно, какъ можно судить по отзыву о книгахъ одного современника: „велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго“,—говоритъ онъ; „изъ книгъ учимся путямъ поваянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это—рѣки, напоющія вселенную, это—исходища мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина, ими утѣшаемся въ печали. онѣ—узды воздержанію“.

Книголюбіе побуждало многихъ даже къ посылкѣ писцовъ въ сосѣднія страны, въ Грецію, Болгарію и на Аeonъ,—для списыванія книгъ и перенесенія на нашу русскую почву всего, что способно было служить полевою пищею духовною. Первые писцы, явившіеся у насъ въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, были, по всѣмъ вѣроятіямъ, славяне болгарскіе; однако-же вскорѣ образовались у насъ и свои превосходные писцы; такъ, отъ половины XI вѣка, намъ сохранился до настоящаго времени вышеупомянутый списокъ Евангелія, писанный діавономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира (въ 1056—1057 г.)—великогѣпная пергаментная рукопись, писанная крупнымъ уставомъ, украшенная раззолоченными заглавіями, фигурными начальными буквами и четырьмя большими изображеніями Евангелистовъ. Остромирово Евангеліе, которое, въ настоящее время, хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ, представляетъ собою древнѣйшій памятникъ славянской письменности, и всѣ славяне съ благоговѣніемъ смотрятъ на него, какъ на драгоценный образецъ письменнаго искусства нашихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что ни одному изъ славянскихъ племенъ не удалось сохранить подобнаго сокровища отъ своей рукописной старины. Въ Остромировомъ Евангеліи помѣщены Евангельскія чтенія: 1) въ главные дни пасхальнаго года, отъ Свѣтлаго Воскресенія до послѣдней заутрени ве-

¹⁾ О св. Феодосіи Печерскомъ сохранилось между прочимъ извѣстіе, что въ кельѣ его постоянно происходило переписываніе и переплетаніе книгъ:—никогда Иларіонъ ихъ списывалъ, самъ Феодосій пралъ нитки для переплета книгъ, а старецъ Никонъ переплеталъ рукописи.

ликаго поста; 2) въ праздники отъ 1-го сентября до послѣднаго числа августа; 3) особыя евангельскія чтенія. Текстъ этихъ чтеній въ Остромировомъ Евангеліи можно считать почти вполне вѣрнымъ подлинному древнему переводу, надъ которымъ трудились братья-первоучители. Во второй части Остромирова Евангелія, передъ чтеніями евангельскими, написаны календарныя замѣтки, древнѣшія изъ доселѣ извѣстныхъ замѣтокъ этого рода.

Важно Остромирово Евангеліе и потому, что представляетъ „древній славянскій языкъ почти въ ненарушенномъ древнѣшемъ его строѣ; самыя даже отклоненія отъ требованій этого строя замѣчательны, указывая на особенности двухъ нарѣчій: одного — южнаго,

за-Дунайскаго, и другаго — сѣвернаго, русскаго, что для насъ особенно важно. Наконецъ важно Остромирово Евангеліе, какъ древнѣшій изъ доселѣ открытыхъ рукописей русскихъ, отмѣченныхъ годомъ“¹⁾.

Любуясь прекрасною внѣшностью этого драгоценнаго памятника, невольно задумываешься надъ дивной его судьбою: восемьсотъ лѣтъ протекли незамѣтно для этой книги, удѣлѣвшей отъ первоначальнаго скуднаго запаса русской письменности и какъ-бы для того избѣгнувшей пожаровъ, погромовъ и разореній всякаго рода, дабы и нынѣ еще служить намъ краснорѣчивымъ памятникомъ той отдаленной эпохи, когда земля Русская только еще начинала просвѣщаться первыми лучами истины и благодати.

¹⁾ Академикъ И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка. Стр. 14—15.